

“Вся съемочная группа была в него влюблена”

Константин Лопушанский —
о работе с Роланом Быковым

Сегодня исполняется 75 лет со дня рождения Ролана Быкова. Одной из последних выдающихся его ролей стала работа в «культовом» перестроечном фильме «Письма мертвого человека» (1986). Режиссер картины Константин Лопушанский поделился с Газетой воспоминаниями о Ролане Быкове.

Мое знакомство с Роланом Антоновичем Быковым произошло на съемках моего дебютного фильма «Письма мертвого человека». Это было в 1984 году, а фильм был закончен в 1986-м — очень трудное время для такого рода фильмов. Еще только начался переход от одной формации к другой, который мы знаем под названием «перестройка», а фильм был о ядерной катастрофе, без каких-то политических позиций, но с ярко выраженным религиозным подтекстом. Все то, что вызывало полную панику у редакторов. Несмотря на это, дело двигалось, и Ролан Антонович, будучи человеком очень эмоциональным и зажигающимся, увлекся этой идеей, решил помочь молодому режиссеру и возглавил борьбу с властями. Опыт у него в этом был огромный, потому что как режиссер он очень долго и успешно воевал за свою картину «Чучело» и эту борьбу выиграл. Поэтому он очень умело действовал и очень точно подсказывал, как бороться. Он давал мне чрезвычайно точные советы: кому позвонить, куда обратиться, как себя вести — всю эту долгую и мучительную дипломатию; без такого мудрого советчика, каким был Ролан Антонович, я бы двадцать раз, что называется, вляпался. Вскоре после этого произошел Пятый съезд кинематографистов, атмосфера в стране менялась, и Ролан Антонович был с этими переменами тесно связан — вошел в состав руководства нового Союза кинематографистов, и с этой стороны тоже пришла какая-то поддержка для фильма. Это первое, что вспоминается о нашем сотруди́нстве, но правильнее было бы начать с рассказа о море обаяния, которое от него исходило. Конечно, вся съемочная группа была в него влюблена. На съемочной площадке, куда бы мы ни приезжали, люди подходили к нему и спрашивали: «Чем вам помочь, Ролан Антонович? Что для вас сделать?» Мы этим, кстати, пользовались беспардонно, поскольку картина была скромная по бюджету. Если же говорить о самом главном, о творческом общении, то надо сказать, что он был удивительно мудрым человеком. Он понимал, что авторский фильм не может быть сделан без осуществления режиссерской воли до самой последней мелочи. В данном случае режиссером был молодой дебютант, и соблазн задавить своим опытом, своей волей мог быть... Но Ролан Антонович был мудрым человеком и глубоким художником. Поэтому он себя вел очень тонко, даже щепетильно, и за это я ему особенно благодарен, потому что это был мой первый фильм и сломать судьбу дебютанта ничего не стоило. Тут он себя проявил как учитель, его советы всегда были точными, и я очень многому от него научился за время съемок фильма — особенно в том, что касалось работы

с детьми. Ребят было много, все — из интернатов: дети без родителей, разных национальностей, и вот тут проявился виртуозный дар Ролана Антоновича в общении с ними. Не говоря уже о том, что меня поразило его отношение к работе как актера. Он был величайшим актером: к тому времени он уже сыграл выдающиеся роли у Германа, Тарковского, в его собственных фильмах.

В один из первых дней он приехал на площадку, посмотрел на свой костюм и сказал: «Все-таки не то, не до конца получается». Я спрашиваю: «А что?» Он отвечает: «Вот мы пытаемся выписать биографию героя, а он же все-таки ученый, нобелевский лауреат, значит, у него должен быть хороший костюм, переживший эту катастрофу». Я говорю: «Но у нас нет денег, чтобы купить хороший заграничный костюм, не во Францию же кого-то посылать за этим!» «Я знаю, что делать», — ответил Ролан Антонович и через два дня приехал из Москвы в своем лучшем костюме, пришел к нашему художнику по костюмам и сказал: «Паяльную лампу, пожалуйста». Они развешивают костюм и начинают его обрабатывать паяльной лампой, чтобы передать фактуру ткани, пострадавшей от взрыва. На глазах всей группы! Это мелочь, но она великолепно иллюстрирует его отношение к поискам образа, к работе над ролью. Или когда позже мы работали над внешностью его героя, он предложил прическу, напоминающую прическу Эйнштейна, — это тоже вызывало ассоциации у зрителя. Да и для других актеров работа рядом с ним была огромным импульсом.

Ролан Антонович был очень разносторонним человеком, и уже после съемок, когда я встречался с ним в Москве, он прочитал мне какие-то свои стихи, дневниковые записи — так я узнал, что он еще и литератор, и был этим удивлен. Он очень многим занимался одновременно: вот он снялся, его ждет машина, самолет — и на другую съемочную площадку. Он также осознавал, что съемки — это святое, и ни разу нас не подвел. Все свои планы он корректировал так, чтобы уделять нашему фильму все свое внимание. Съемки были очень тяжелыми. Временами судьба фильма висела на волоске и непонятно было, как фильм повернется, куда вся страна повернется. Когда уже фильм почти был сделан, когда печатали копию, я услышал по радио, что произошел Чернобыль, и мне подумалось, что, может быть, нам дали — я говорю «дали» в мистическом смысле — что-то сказать этим фильмом неслучайно. Вскоре после этого Ролан Антонович попал в больницу. Я узнал об этом, когда был в Москве: мы дорабатывали озвучивание фильма, и какие-то эпизоды с его голосом надо было еще диктовать. Он пришел на запись из больницы, и выяснилось, что у него было чуть ли не предынфарктное состояние. Тут я понял, что эти два года тяжелейших съемок не прошли для него бесследно. Потом, конечно, начались успехи, фильм показывали во всем мире — нет, наверное, ни одной страны, где бы он не был показан, даже на фестивале в Каннах. В том году в Каннах было два наших фильма, которые произвели сенсацию: «Письма мертвого человека» и «Покаяние» Тенгиза Абуладзе.